
ПЕРЕВОДОВЕДЕНИЕ
К 10-ЛЕТИЮ КАФЕДРЫ ТЕОРИИ ПЕРЕВОДА
И МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ

УДК 81'25:316.77

КОММУНИКАЦИЯ, ТЕКСТ И ПЕРЕВОД

В. Б. Кашкин

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 12 ноября 2012 г.

Аннотация: в статье рассмотрены модели коммуникации, примененные к анализу текста для перевода. Выделены основные подходы, парадигмы теории коммуникации, обладающие прикладным и дидактическим потенциалом.

Ключевые слова: анализ текста, перевод, теория коммуникации, модель, подготовка переводчиков.

Abstract: the paper reviews communicative models suitable to analyze texts for translation purposes. Major approaches and paradigms in communication studies are singled out with particular focus on their applicability in translators' training.

Key words: text analysis, translation, communication theory, model, translators' training.

1. Коммуникативный и «предпереводческий» анализ текста

Одним из существенных аспектов подготовки переводчика является дисциплина (либо раздел более широкой дисциплины), которую чаще всего называют «предпереводческим анализом текста». Термин признается неудачным, вместо него предлагают использовать «предпереводный анализ», «предпереводный анализ», «переводный анализ», «переводческий анализ» и т. п., также вызывающие критику. В меньшей степени критикуют англоязычный термин «*text analysis for translation*», хотя есть и другие варианты как на английском, так и на других языках: *source-text analysis*, *übersetzungsrelevante Textanalyse* и др. [1–8]. Выбор наиболее подходящего названия для данного курса или этапа переводческой деятельности весьма важен, но еще более важны как сама дисциплина, так и комплекс соответствующих компетенций, применение которых предвещает в той или иной степени любой перевод.

Аналитическая составляющая присутствует не только на начальном, «допереводном» этапе, существуют еще критический анализ текста перевода, исследовательский сопоставительный анализ переводов, постпереводческий анализ, но именно анализ до (и, возможно, во время) перевода имеет самое непосредственное отношение как к выбору общей стратегии, так и конкретных переводческих решений. Наиболее существенной частью анализа текста для пере-

вода является анализ коммуникативной ситуации, ролей ее участников, параметров и факторов, влияющих на принятие решений.

Предварительный подход к переводу, таким образом, должен начинаться с элементов коммуникативного анализа: кто является отправителем и получателем текста перевода, для кого он пишется, что и в каком контексте в нем говорится, какие последствия он вызовет и т. п. Этот анализ проводится по определенным параметрам и в определенной последовательности, что соотносится с принимаемой моделью коммуникации. Модели коммуникации изображают составные элементы и функциональные характеристики коммуникационного процесса в виде схемы, содержание которой зависит от концепции, парадигматического направления, потребностей той сферы науки или коммуникативной практики, в которой она появилась и т. д. Эти модели, как и парадигматические подходы в целом, можно условно разделить на *трансляционные* (линейные, механистические, телементационные) и *интеракционные* (нелинейные, диалогические, деятельностные). Термин *telementation*, или иначе *thought-transference*, принадлежит Рою Хэррису, который так называет «классическую модель языка» [9, с. 21–22].

2. Парадигмы и модели коммуникации

В трансляционной парадигме под коммуникацией понимается однонаправленный процесс кодирования и передачи информации от источника и приема информации получателем сообщения. При интерак-

© Кашкин В. Б., 2013

циональном подходе коммуникация понимается как совместная деятельность участников коммуникации (коммуникантов), в ходе которой вырабатывается общий (до определенного предела) взгляд на вещи и действия с ними. С точки зрения трансляционной парадигмы информация передается от отправителя получателю, тогда как интеракционный подход предполагает, что информация производится (воспроизводится) самим получателем (разумеется, под воздействием отправителя). Для первого подхода внешняя среда создает шум и чаще всего может являться помехой, для второго же – внешняя среда выступает неотъемлемым контекстом коммуникации.

В истории известен широкий спектр моделей коммуникации и перевода в большей или меньшей степени близких к линейному, либо к нелинейному пониманию коммуникативного процесса (Шеннон, Якобсон, Бюлер, Винер, Лассуэлл, Мак-Люэн, Бахтин, фон Ферстер, Матурана, Рой Хэррис, Ревзин, Розенцвейг, Рецкер, Комиссаров, Ледерер, Каде, Сдобников и др.).

Модель американского математика К. Шеннона, переработанная и дополненная У. Уивером, включала шесть компонентов: *источник, кодирующее устройство, сообщение, канал, декодирующее устройство и приемник*, – и была предназначена для оптимизации коммуникации с помощью технических средств (телефон, телеграф, радио) [10]. Эти термины далее применялись и в приложении к другим коммуникативным системам, а сама модель сыграла значительную роль в развитии многих наук, связанных с обменом информацией, хотя сейчас ее уже можно считать достаточно ограниченной для описания человеческого общения. Модель Г. Д. Лассуэлла, разработанная для сфер политики и пропаганды (*Who says what to whom in which channel with what effect* «Кто говорит что кому по какому каналу с каким результатом») [11, с. 37–52], в отличие от механистической модели, позволяла говорить о результатах или последствиях коммуникативного воздействия. Она фактически воспроизводила модель предложения, связав форму и прагматику общения. М. Мак-Люэн обращал особое внимание на канал передачи: он во многом предопределяет и само сообщение: *The medium is the message*, – эти слова стали девизом современной цивилизации, в которой визуальный канал считается ведущим [12].

Функциональные модели в большей степени учитывают целенаправленность человеческих коммуникативных действий, хотя и остаются в целом линейными, однонаправленными. В модели К. Бюлера три функции языка и коммуникации связаны с двумя коммуникантами и сообщением: *экспрессивная*, соотносимая с отправителем; *апеллятивная*, или обращение к получателю; и *репрезентативная*, функ-

ция сообщения информации [13, с. 98–99]. Р. О. Якобсон добавляет еще три элемента: *код, контекст* (содержание, информация о ситуации в окружающей действительности) и *контакт* (регулятивный аспект коммуникации) [14, с. 350–377].

Функциональные модели обладают бóльшим объяснительным и прикладным потенциалом, нежели механистические. Так, модель Бюлера легла в основу классификации типов текстов, что сыграло важную роль в преподавании перевода и иностранных языков. П. Ньюмарк и К. Райс выделяют тексты, ориентированные на содержание, или *информативные* (content-oriented), тексты, ориентированные на форму, отправителя, или *экспрессивные* (author-oriented); тексты, ориентированные на обращение, получателя, или *вокативные*, призывные (reader-oriented или оперативные) [15, с. 20; 16, с. 40–47].

Статичность и однонаправленность линейной модели была восполнена создателем кибернетики Н. Винером в понятии *обратной связи* (feedback), что позволило приблизиться к реальности именно человеческого взаимодействия, сделав понимание коммуникации более динамичным и в чем-то даже диалогичным: “They consider communication to be a game played in partnership by the speaker and the listener against the forces of confusion, represented by the ordinary difficulties of communication and by some supposed individuals attempting to jam the communication” «Коммуникация – это игра, ведущаяся *совместно* говорящим и слушающим против сил беспорядка, представленных коммуникативными трудностями и личностями, пытающимися воспрепятствовать сообщению», – писал Винер со ссылкой на Р. О. Якобсона и Б. Мандельброта [17, p. 92].

Для понимания процесса коммуникации отметим две ключевые идеи философии диалогизма (ее связывают с М. М. Бахтиным): необходимым признаком любого высказывания является его обращенность, *адресованность* (без слушающего нет и говорящего); всякое высказывание приобретает смысл только в контексте, в конкретное время и в конкретном месте (*хронотоп*). В диалогической концепции восстанавливается равноправие речедетелей (отправителя и получателя): «Строя свое высказывание, я стараюсь его активно определить; с другой же стороны, я стараюсь его предвосхитить, и этот предвосхищаемый ответ в свою очередь оказывает активное воздействие на мое высказывание» [18]. Для переводческой стратегии это может иметь определяющее значение, ведь добавляется еще один фактор, еще один параметр выбора, ориентированный на получателя перевода. Сам Бахтин не предлагал завершённой модели коммуникации, а вот Ц. Тодоров, сопоставляя информационно-семантический подход с диалогической концепцией, предлагает такую модель «по мотивам»

М. М. Бахтина [19, с. 54–55]. Впрочем, особую роль, которую Бахтин уделял слушающему, Тодорову не удалось подчеркнуть. Основной акцент был сделан на интертекстуальные связи, неопределенность, неоднозначность трактовки информации, возможность передачи имплицитных смыслов.

Именно идея интертекстуальности стала ключевой в концепциях французских последователей Бахтина. Как отмечали Р. Барт, М. Фуко, Ю. Кристева, всякий текст создается в виде прямых или косвенных ссылок на ранее воспринятые чужие тексты, каждое высказывание имеет «возможные отношения с прошлым и открывает прогнозируемое будущее» [20, с. 38–41]. Весьма часто интертекстуальные аллюзии в целях воздействия на потребителя эксплуатирует реклама: *сильный, но нежный Панадол < строгий, но справедливый отец народов; абсолютная монархия > абсолютная Россия > водка «Абсолют»* и т.п. Получатель сообщения становится как бы его косвенным соавтором, опираясь на уже известные ему фрагменты, «запахи предыдущих контекстов» (Бахтин). Интертекстуальный характер рекламного текста создает дополнительные трудности для перевода, поэтому большинство рекламных текстов не переводится, а «переписывается заново», «локализуется». Именно поэтому их перевод часто «неверен» по отношению к исходному тексту, но «верен» по отношению к задачам воздействия на получателя в иных социокультурных и интертекстуальных условиях. Если Мак-Люэн говорил, что *the medium is the message*, мы можем сейчас сказать и что *the recipient is the message*.

В кибернетике второй половины XX в. Х. фон Фёрстер, подчеркивая диалогический характер коммуникации, перефразировал известную поговорку: *It needs two to Language* [21]. Ему также принадлежит герменевтический афоризм, созвучный идеям Барта об интерпретации и понимании текста: *The hearer, not the speaker determines the meaning of an utterance* «Значение высказывания определяет слушающий, а не говорящий». Взгляды фон Фёрстера оказали определяющее влияние на биолога У. Матурану, высказавшего идею *консенсуального взаимодействия* автопоэтических (самотворящих, самоорганизующихся) систем, к которым относятся язык и другие системы коммуникации. Языковую деятельность (*language*) он сравнивает с танцем, основная сущность которого состоит не в конкуренции и прямом управлении друг другом, а в сотрудничестве, во взаимном согласовании совместных движений. Выражение «передача информации» считается всего лишь неудачной метафорой, напоминающей передачу по трубам; на самом же деле в процессе коммуникации ничто и никому не передается в физическом смысле: «*biologically, there is no transmitted information in communication*» [22,

с. 196]. В реальном процессе языкового взаимодействия мы наблюдаем совместную деятельность, в результате которой в сознании получателя возникает сходный отклик: более или менее близкое понимание предмета разговора. Это соотносится и с положением о том, что нет и не может быть единственного «правильного» перевода, возможны варианты, переводы «заново» в новых исторических и социокультурных условиях. Перевод – не истина в последней инстанции, а вечное приближение к истине.

3. Модель коммуникации и перевод

В случае межъязыковой коммуникации (перевода) в модель добавляется дополнительная стадия – стадия трансляции. Речевой акт распадается на три взаимосвязанных акта, а переводчик выступает как получатель в первом и как отправитель в последнем случае. Специфически и исключительно переводческой деятельностью является промежуточная стадия. Но при этом как в роли получателя, так и в роли отправителя переводчик включает механизмы вероятностного прогнозирования именно как переводчик (учитывая возможные трудности понимания, необходимость коррекции и т. п.). Это также требует опоры на нелинейную, не-однаправленную модель коммуникации.

Хороший перевод в этом случае – коммуникативно эквивалентный перевод, одинаково соотносящийся с контекстом действительности, приводящий к аналогичным дискурсивным последствиям. Впрочем, реальность межкультурного взаимодействия дает более разнообразное наполнение данной общей схемы, выходящее за рамки линейной парадигмы (культурные контексты и их различие, переводчик как активный агент, фактор адресата, фактор «третьего» и т. д.). Более того, в иных коммуникативных и социокультурных условиях может возникать потребность и в иных задачах, иных последствиях.

Между участниками переводческого коммуникативного процесса устанавливаются особые отношения. Обычно переводчику отводится нейтральная, пассивная, подчиненная роль, но это далеко от истины. Основное предназначение переводчика – выполнить функциональное предназначение текста перевода в данном времени, месте, социальной ситуации, а степень его «соучастия» при этом будет варьироваться. Т. Херманс на одной из конференций приводил в пример перевод речи лидера нацистской партии на язык другой страны, тем более после «отхода» этой партии от власти – возможна ли в этом случае задача прагматической заряженности перевода и для кого? Есть ли получатели (хочется надеяться, что нет)? Или же это перевод для историков, сделанный со значительной степенью отстраненности и остра-ненности? Как видим, «верность автору» не всегда является абсолютным принципом перевода. Факти-

чески идея нейтральности, неангажированности переводчика следует упрощенной трансляционной модели. Деятельностный, интеракциональный аспект рассмотрения процесса перевода позволяет объединить в одной модели и те ситуации, когда переводчика не должно быть видно («смерть переводчика»), и те ситуации, когда переводчик выступает как равноправный участник деятельности, но со своей особой ролью.

Цель перевода часто не совпадает с целью и предназначением исходного текста по разным причинам, связанным с изменением фактической коммуникативной ситуации. Для текста инструкции к бытовому прибору такое несовпадение минимально, совершенно незначимо, но если современному переводчику приходится переводить известную книгу или фрагменты речи политического лидера другой страны, то цель такого переводного текста, скорее всего, будет в исторической или культурной иллюстрации, нежели в повторении того эффекта, который эти речи производят на современников.

Возможно, переадресация [23, с. 121–122] в каком-то смысле осуществляется всегда? Потенциальный получатель уже своей принадлежностью иной лингвокультуре и часто – иному времени просто не может быть равным потенциальному получателю исходного текста. Между коммуникативно-равноценным переводом, когда получателей в двух контактирующих культурах можно признать равными друг другу, и стратегией полной переадресации можно усмотреть целый континуум промежуточных случаев. В любом случае выбор стратегии и приемов предопределен целью создания самого текста перевода, а базовая коммуникативная ситуация (автор – читатель) переосмысливается. Анализируя текст, переводчик (или студент) также начинает с определения целей и адресации перевода, важнейших факторов коммуникативной ситуации.

Определение стратегии перевода с опорой на коммуникативную ситуацию, в которой используется перевод, предложено В. В. Сдобниковым и проиллюстрировано им на примере некоторых ситуаций – в большей степени устного перевода [23, с. 115–116]. Анализ текста также должен включать такие параметры, как роль инициатора или заказчика и цель перевода. В любом случае первый аспект анализа – это общая коммуникативная характеристика текста, коммуникативной сферы и ситуации перевода.

4. Заключение

Есть много не высказанного по данной проблеме, но тем не менее подведем итог:

- модель коммуникации должна отражать нелинейность, диалогичность и процессуальность (временной фактор);

- модель должна отражать характер коммуникации как целенаправленной человеческой деятельности или метадеятельности;

- отправитель и получатель находятся в динамических и консенсуальных (состязательных, договорных, интеракциональных) отношениях (это особенно важно для описания всех видов ситуаций перевода);

- информативная функция коммуникативных систем является не основной, а подчиненной: «информировать, чтобы действовать»;

- информация не передается, а производится (воспроизводится) получателем во взаимодействии с отправителем.

Временной параметр коммуникации предполагает не одно (отправитель – получатель), а несколько направлений внимания, учет целого комплекса факторов [24, с. 95–111]: антиципация и прогноз реакции получателя, автомониторинг и коррекция коммуникативных действий, использование механизмов кратковременной и долговременной памяти (когезия и когерентность дискурса, интертекстуальность как память культуры и др.) – все это важно в анализе текста для перевода.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Брандес М. П.* Предпереводческий анализ текста / М. П. Брандес, В. И. Провоторов. – М.: НВИ-Тезаурус, 2001. – 224 с.
2. *Алексеева И. С.* Текст и перевод: вопросы теории / И. С. Алексеева. – М.: Междунар. отношения, 2008. – 184 с.
3. *Цатурова И. А.* Предпереводческий анализ текста. Английский язык: учеб. пособие с методическими рекомендациями / И. А. Цатурова, Н. А. Каширина. – СПб.: Перспектива; Союз, 2008. – 296 с.
4. *Salkie R.* Text and Discourse Analysis / R. Salkie. – London; New York: Routledge, 1995. – 115 p.
5. *Nord C.* Text Analysis in Translation: Theory, Methodology, and Didactic Application of a Model for Translation-Oriented Text Analysis / C. Nord. – Amsterdam: Rodopi, 1991. – 274 p.
6. *Mathiessen C.* Text analysis for translation and interpreting / C. Mathiessen, W. Cangzhong, M. Herke // TRAN 819 Outline – 1st Semester 2008. – Режим доступа: http://web.mac.com/cmatthie/TRAN_819_MU_2/Lectures_2008_1_files/TRAN%20819%20Outline%202008_1.pdf (дата обращения: 01.11.2012).
7. *Trosborg A.* Discourse Analysis as Part of Translator Training / A. Trosborg // Current Issues in Language and Society. – 2000. – Vol. 7 (3). – P. 185–228.
8. *Zlateva P.* Text Analysis as a Tool in Translation Training: Why, How and to What Extent? A Response to Anna Trosborg / P. Zlateva // Current Issues in Language and Society. – 2000. – Vol. 7 (3). – С. 261–266.
9. *Harris R.* Introduction to Integrational Linguistics: Language and Communication Library / R. Harris. – Oxford: Pergamon, 1998. – Vol. 17. – 168 p.

10. *Weaver W.* The Mathematical Theory of Communication / W. Weaver, C. E. Shannon. – Chicago : Univ. of Illinois Press, 1963. – 125 p.
11. *Lasswell H.* The Structure and Function of Communication in Society / H. Lasswell // The Communication of Ideas / ed. by L. Bryson. – New York : Harper and Row, 1948. – P. 37–52.
12. *McLuhan H. M.* Essential McLuhan / H. M. McLuhan. – Toronto : The House of Anansi Press, 1995. – 407 p.
13. *Bühler K.* Die Axiomatik der Sprachwissenschaften / K. Bühler. – Frankfurt am Main : Vittorio Klostermann, 1969. – 502 s.
14. *Jakobson R. O.* Closing Statement : Linguistics and Poetics / R. O. Jakobson // Style in Language / ed. by T. A. Sebeok. Cambridge, MA : MIT Press, 1960. – P. 350–377.
15. *Reiß K.* Texttyp und Übersetzungsmethode : der operative Text / K. Reiß. – Heidelberg : Julius Groos Verlag, 1971. – 146 s.
16. *Newmark P. A.* Textbook of Translation / P. A. Newmark. – New York ; London: Prentice Hall International, 1988. – 292 p.
17. *Wiener N.* The Human Use of Human Beings / N. Wiener. – Boston, MA : Houghton Mifflin, 1950. – 241 p.
18. *Бахтин М. М.* Автор и герой : к философским основам гуманитарных наук / М. М. Бахтин. – СПб. : Азбука, 2000. – 336 с.
19. *Todorov T.* Mikhail Bakhtin : the Dialogical Principle / T. Todorov. – Manchester : Manchester Univ. Press, 1984. – 132 p.
20. *Foucault M.* L'archéologie du savoir / M. Foucault. – Paris : Gallimard, 1969. – 288 p.
21. *Von Foerster H.* Understanding Understanding : Essays on Cybernetics and Cognition / H. Foerster von. – New York : Springer Verlag, 2003. – 362 p.
22. *Maturana H. R.* The Tree of Knowledge : Biologica; Roots of human Understanding / H. R. Maturana, F. Varela. – Boston : Shambhala, 1992. – 269 p.
23. *Сдобников В. В.* Коммуникативная ситуация как фактор определения стратегии перевода / В. В. Сдобников // Вестник НГЛУ. – 2011. – Вып. 14. – С. 114–124.
24. *Kashkin V. B.* Choice Factors in Translation / V. B. Kashkin // Target. – 1998. – 10: 1. – P. 95–111.

Воронежский государственный университет

Кашкин В. Б., доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой теории перевода и межкультурной коммуникации

E-mail: kashkin2000@mail.ru

Тел.: +7 (473) 222-73-62

Voronezh State University

Kashkin V. B., Doctor of Philology, Professor, Head of the Translatology and Intercultural Communication Department

E-mail: kashkin2000@mail.ru

Tel.: +7 (473) 222-73-62